

Тема: Изучение мифологизма пейзажей в повести
Т. Пулатова «Владение» с использованием интернет
материалов.

**Д.Н.Низамиддинов, доктор филологических наук, профессор
Джизакского областного института переподготовки и повышения
квалификации педагогических кадров.**

Неизбежно обращает на себя внимание то, что пейзажные зарисовки, составляющие добрую треть "Владений", а точная фактография причудливейшим образом переплетается в них с элементами иной изобразительной системы. Рассмотрим пристальнее некоторые из зарисовок. Рассвет в пустыне проходит медленно, - фиксирует физический процесс Тимур Пулатов - и, если не разглядеть в небе тот миг, когда в нем прочерчивается слабая, еле заметная черта между ночью и рассветом (курсив наш - Д.Н.), можно долго не чувствовать приближения утра"¹. Нетрудно заметить, что восприятие рассвета в пустыне носит в себе отпечаток мифологического пространственно-временного синкретизма. Синкретизм, нерасчлененность мировосприятия, вторгаясь в эмпирику зарисовки, преобразует ее и влечет за собой углубление мифологизма пейзажей: "Ночью в полнолуние все залито неестественным холодным светом, от света этого (курсив наш Д.Н.) не шевелится трава, и птенцы не растут в яйцах, и много старых птиц и зверья умирает в эту ночь - нет роста и приобретений, зато много потерь в пустыне" (261). "Солнце уже вышло, но еще не видно из-за желтого воздуха пустыни. <...> А пока лучи его тянутся к земле, холод в высших сферах, через которые эти лучи пробиваются, спускается все ниже и ниже, самая подвижная его струя первой достигает земли - от нее и получается роса, - а плотный последний слой холода, спустившись потом, когда уже роса успела превратиться в туман, легко соприкасается с теплом

камней и песка, оставшегося после ухода тумана, и от тепла земли и холода высших сфер и рождается этот легкий ветерок" (263). Ночь и пустынный день семантически окрашиваются, некий свет, распространяющийся в их пределах, придает ночи мифологический ореол страны хаоса, распада и смерти, в то время как день заново космологизирует бытие, возрождая к жизни пустынных жителей и природные силы. В процессе этой космологизации вступает в свои законные права такая черта мифологического мышления, как его этиологизм. Пулатов подробно описывает возникновение ветра, происхождение росы, рождение солнечного света... С одной стороны, перед нами естественнонаучные описания, но с другой - трудно не заметить, что на место общепринятой терминологии приходят в них некие "высшие сферы", "нижние высоты" (254), "высоты мироздания" (262)... В художественной системе повести Тимура Пулатова "Владения" отныне начинает действовать логика саморазвёртывающегося мифа.

Здесь самое время вернуться к заглавию повести. "Владения" - это, прежде всего, безусловно, территория, отведенная коршуну "по неписанному птичьему закону". В то же время все пространство пулатовской повести целиком и полностью состоит из примыкающих друг к другу и отведенных кому-либо в полноправное владение территорий. Они наслаиваются друг на друга, и в пределах одних "владений" сосуществуют коршун и суслик, коршун и сова, коршун и беркут. Это ли не пространство, противопоставляемое мифологической культурой пространству физическому, дискретному, которое отрицает возможность существования в одной точке двух реалий, нескольких существ и служит "выражением рокового разъединения и отчуждения между всеми частями существующего..."². Это пространство - "лоскутное"³, ибо каждый из его обитателей выделяет в нем свои границы и законы, и в то же время подчинено универсальным законам мифологической

вертикали - гармонии, спускающейся вместе с лучами солнца на пустынную землю "из высших сфер".

Владения - бесконечно малый "лоскуток" пространства, нарушить границы которого ничего не стоит старому коршуну, но в то не время - это целый мир, модель бытия, испытывающая все метаморфозы жизненных циклов наравне с Вселенной.

Эти метаморфозы и выступают в конечном счете в роли перводвигателя сюжета повести: "Полети коршун на осмотр в любой другой день месяца, он парил бы над своей территорией с большим усердием, легкостью и желанием, ибо был бы он отдохнувшим и выспавшимся, а не суетливым и беспокойным.

Но все же, думается, в дне отлета после полнолуния есть какой-то большой смысл, в него невозможно проникнуть умом. Инстинкт повелевает коршуну лететь именно в этот день, ибо чувствует птица, что всякий раз после полнолуния что-то меняется в пустыне и на ее территории. А на территории, которая в чем-то изменилась, надо все проверить, измерить всю меру нового, понять, на пользу ли это новое, облегчает ли оно существование или же, наоборот, затрудняет его. И, хотя за один короткий облет всего не оценишь тем более, изменения происходят столь часто от полнолуния к полнолунию, все же коршун пытается если не оценить то, во всяком случае, привыкнуть к этим изменениям, чтобы во время охоты не сделать неверного шага и в новых условиях не попасть впросак. (260)" Мы позволили себе столь обширную цитату в силу того, что она наглядно иллюстрирует мифологическую "пограничную ситуацию", которая возникает в некое переломное время, влечет за собой экспансию деструктивных сил Хаоса и приводит к разложению установившегося порядка⁴. Символический облет своих владений старым коршуном становится ритуалом, восстанавливающим утраченную гармонию в начале нового жизненного цикла.

Литература

¹ Пулатов Т. И. Завсегдатай.- М.: Известия, 1982. С. 261. (Далее текст повести цитируется по данному изданию с указанием в скобках номера страницы).

¹ Соловьев В. С. Собр. сочинений.: В 10-ти тт. Т.10. Спб.. 1914. С. 269.

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. Й. Миф - имя - культура. // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1.- Таллин: Александра. 1992. С. 134.